

Блок 8

Сегодня — 1994. — 6 сент. — с. 15

Карл Маркс. Пожилые годы

«Незабудки» Льва Кулиджанова.

Премьера и 70-летие режиссера в московском Киноцентре

Максим Андреев

сточертела политика, в кишках засела эротика, допекли американские боевики, глухую желудочную злобу подымает снобистская заумь; люди стосковались по родному, близкому и понятному: зал был заполнен.

Забывший день рождения остался в марте, поэтому не премьеру приурочили к юбилею, а наоборот. Мастера посадили на почетное место в первом ряду; киновед Андрей Шемякин произнес прекрасные слова об этапах большого пути и непреходящем значении; показали фрагменты. Триумфальный «Дом, в котором я живу». Лирический шедевр «Когда деревья были большими». Классическая экранизация «Преступления и наказания». (Даже в награжденный Ленинской премией 7-серийный телефильм «Карл Маркс. Молодые годы» рука не поднимается бросить камень.) Марлен Хуциев выразил любовь к юбиляру и ненависть к «антисоветскому кино», поправшему все успехи и достижения, а также к «дешевому эпатажу, который иные молодые журналисты почитают за доблесть» (нас самих от него тошнит, Марлен Мартынович). Эх, если б не злосчастный V съезд — «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий по-

В меня все ближние мои броса-
ли бешено камень.

Михаил Лермонтов. Пророк

сланных к тебе! сколько раз хотел Я со-
брать чад твоих, как птица птенцов сво-
их под крылья, и вы не захотели!» (Лук.,
13, 34 и эпиграф к фильму).

О неумолимое время, о злое скри-
жали истории, о коварная судьба, то под-
нимающая на гребень, то низвергающая в
бездонную пропасть — как понять, как пе-
реосмыслить вас? Дайте ответ! Не дают от-
вета. Слово великий автор «Капитала»
пробудился от векового сна, ужаснулся
соединенному неразумными потомками и,
на ходу латая распадающуюся связь вре-
мен, сотворил новый титанический труд
— но уже не о прибавочной стоимости.
Об Истоках. Об Ошибках. О Большой
Любви. О «не сотвори себе Кумира». О
том, что не надо было ура кричать — и все
сейчас бы баварское пили. Точные Образы
и Метафоры. Потрясающие Синедрихи,
дивные Ретардации и головокружительные
Литоты. В общем, забросив в пыльный чу-
лан социалистический реализм, Кулиджанов
на склоне лет снял Притчу (автор сце-
нария — Наталья Фокина).

Первый постперестроечный год. В
грязном арбатском закоулке здоровый
наркоман бутузит двух рэкетиров, тут же
грязный бомж собирает пустые бутылки.
Появляются Он — молодой офицер в
форме старого образца (Никита Тюнин) и
Она — девушка в джинсах и спортивной

куртке (Елена Оболенская). Ты чего так
вырядилась? — Теперь все так. — Так хо-
чется побыть с тобой вдвоем... — Чудак
ты, Володенька, мы ведь уже умерли.

Прыг! — первый послевоенный год.
Он любит Ту, Которая Уже Умерла, но
Та, Которая — член семьи врага народа;
ее отца расстреляли, мать репресси-
ровали, отец (какая-то шишка) не засту-
пился. Лагерь заменили передовой, Со-
фья Михайловна вернулась и работает в
больнице хирургом — вместе с немоло-
дой медсестрой (Ольга Антонова), кото-
рая ежедневно накачивается морфием,
потому что потеряла Большую Любовь.

Прыг! — первый послереволюцион-
ный год. Дворянское поместье, усадебный
офицер уходит на гражданскую войну,
прощается с немолодой любимой (Ольга
Антонова) и обещает вернуться с побе-
дой. Все ослепительно чисто, красиво,
добры и счастливы. Привет Хуциеву и
его «Бесконечности».

Прыг! — первый год после царствия
царя Гороха. Немолодая медсестра (Оль-
га Антонова) встречает в поле старого
еврея, который везет на повозке девочку
Сулю, которая потом станет Софьей Ми-
хайловной и матерью Той, Которой.

Прыг! — первый год после светопре-
ставления. Немолодая любимая (Ольга
Антонова) идет по улице и видит длин-
ную очередь бледных людей, одетых в
стиле разных эпох. К немолодой подхо-
дит давешний усадебный офицер. «Это оче-
редь мертвых, — говорит он. — Ну, ниче-
го, я перед смертью одному большевику
всю харю шашкой порубал. А ты небось
думала, что это в Москве за хлебом сто-
ят?» (Нет, вообще-то она надеялась, что
это на «Мосфильме» за зарплатой.)

Прыг! — опять постперестройка и ар-
батский двор. Рэкетеры одолели-таки
наркомана, а бомж присыпал мертвое те-
ло увядшей листвой. Таким образом, чада
и птенцы собрались под крыльями; круг
замкнулся: бывшую Сулю опять забрали в
НКВД, чудак Володенька ушел на япон-
скую войну, немолодая медсестра докона-
ла себя морфием, в общем, все умерли,
причем Та, Которая — позже всех.

При чем здесь незабудки? Их герои
время от времени дарят друг другу. Ма-
ленькие букетики — голубой образ ушед-
шей эпохи и символ надежды. Женщина
еще там рождает — по имени Надежда.
Тяжелый случай. Скупая запись в боль-
ничном журнале: внечаточная, разрыв
трубы. Детей никогда не будет.

